

ПОД ГРОХОТ БОМБ

А.С. ЗАЙЦЕВ

Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
Кандидат экономических наук

ИЗ ВЬЕТНАМСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Ключевые слова: агрессия США во Вьетнаме, бомбардировки Ханоя, советско-китайские отношения

Шел четвертый год необъявленной воздушной войны США против Северного Вьетнама. После первого налета 5 августа 1964 г. она переросла с 7 февраля 1965 г. в массивные бомбардировки населенных пунктов Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) самолетами 7-го американского флота.

Налеты американской авиации с несколькими перерывами и различной интенсивностью продолжались вплоть до 1973 г.

НАШИ БУДНИ

Центральный госпиталь Ханоя, где я, третий секретарь советского посольства в ДРВ, оказался в январе 1968 г., заболев желтухой, был переполнен вывезенными с Юга ранеными участниками военной операции подразделений Национального Фронта освобождения Южного Вьетнама, атаковавших базу морской пехоты США в долине Кхесань в 25 км от демилитаризованной зоны.

Не забуду живые, трогательные сердцу рассказы о прошедших боях этих героических молодых парней (поражало количество военных с ампутированными конечностями), с которыми подружился за недели, проведенные в госпитале. Это была настоящая, не известная мне ранее и разная с официальными описаниями правда о войне на Юге страны. Многие такие встречи проходили под грохот от разрывов бомб и зенитной канонады в бомбоубежище, куда нас приводили или переносили после сигнала воздушной тревоги из разных отделений во время частых воздушных налетов.

Постоянным объектом ракетно-бомбовых ударов авиации США по Ханю был расположенный в нескольких сотнях метрах от госпиталя мост через Красную реку. Построенный еще в колониальные времена по проекту французского архитектора Эйфеля,

автора названной его именем башни в Париже, этот мост стал поистине легендарным. Многократно разрушенный, он всякий раз восстанавливался героическими усилиями вьетнамцев и устоял, оставаясь на всем протяжении войны жизненно важной стратегической артерией, по которой осуществлялось снабжение всем необходимым армии на Юге.

Когда мост удавалось вывести из строя, на время его ремонта транспортный поток направлялся через понтонную переправу, находившуюся по ночам как раз напротив расположенного у берега центрального госпиталя (по предположению моих собеседников, это делалось в расчете на защиту Красного креста, нарисованного на крышах госпитальных корпусов). Когда воздушные удары переносились на временную переправу, учащались попадания бомб и ракет на территорию госпиталя.

Не миновали они и дипломатический квартал в Ханое, расположенный в километрах двух по прямой от упомянутого моста. Первыми от попадания ракет «воздух-земля» пострадали здания посольств Румынии и Монголии, торгпредства Болгарии. Позднее одна из них разворотила угол жилого дома, где жил и в тот момент находился наш военный атташе, который отделался небольшими порезами на лице. Воздушной волной были вдавлены ставни окна внутрь моей комнаты в стоящем вплотную к нему соседнем доме, и, вернувшись с работы, мне пришлось еще долго выгребать разлетевшиеся по ней осколки разбитого стекла.

В начале года с активизацией налетов нам выдали каски, у здания посольства и жилых домов были вырыты бомбоубежища, в связи с участвовавшими перебоями в подаче электроэнергии обзавелись дизельными двигателями. Поначалу мы отнеслись к этому со свойственной молодости беззаботностью и даже бравадой.

Каски надевали, когда во время налетов начинали сыпаться стекла выходящих на сторону упомянутого моста окон наших рабочих кабинетов и по инструкции надлежало укрываться подальше от них в коридоре у лестничных маршей. Вне посольства и глаз начальства касками поначалу практически не пользовались.

Если воздушная тревога заставала ночью - это случалось все чаще - в бомбоубежище спускались редко. Что до меня, то разбуженный грохотом от разрывов бомб и зениток (оповещение сиренами, как правило, запаздывало: американские самолеты, стартуя преимущественно с авианосцев, подлетали к Ханю вдоль Красной реки на низких высотах, пытаясь избежать попадания ракет советского производства), оставался лежать под москитной сеткой и, чтобы защититься от стальных осколков, нащупывал в темноте приготовленную с вечера на кровати каску.

Однако, под влиянием военной обстановки мы, молодые сотрудники посольства, быстро выросли, осознавая ответственность перед переживающими за нас родителями, отправленными домой семьями. Уже не избегали, как в первые дни бомбардировок, на крыши жилых домов, слышав над головой хлопки от взрывов ракет и аплодируя их попаданиям в цель и не обращая внимания на летящие вниз осколки.

Меня же немало образумил случай, когда я едва не стал жертвой охранявшей наше посольство вооруженной вьетнамской охраны. Однажды утром сигнал воздушной тревоги застал меня по дороге на работу неподалеку от посольства. Когда, ускорив шаг и надев каску, я был уже у входа, прямо над моей головой неожиданно просвистели автоматные очереди. Это солдат охраны, следуя инструкции, при первых звуках сирены прыгнул в вырытый перед постом окоп (мелкий бетонный колодец) и, не глядя по

сторонам, разрядил обойму по... пролетающему самолету.

Большую часть времени приходилось проводить в пределах дипломатического квартала, передвижения по городу ограничивались властями, а въезд во многие столичные районы для автомашин с дипломатическими номерами был строго воспрещен.

Своеобразной отдушиной для нас были несколько главных вьетнамских праздников в году, на время которых (от нескольких дней до недели) объявлялся мораторий на воздушные налеты. В эти короткие промежутки между бомбардировками, стараясь охватить как можно больше отдаленных районов севера страны, чтобы в первую очередь оценить состояние построенных с помощью Советского Союза экономических объектов, мы забирались на родных «козликах» по разбитым дорогам далеко на Юг вплоть до демаркационной линии.

Возвращались в Ханой обычно впритык к окончанию моратория, торопясь поспеть до 12 часов ночи. Навстречу нам двигались по ночам на Юг бесконечные колонны грузовиков и бензовозов.

Вьетнам той военной поры, находясь в эпицентре мирового внимания, притягивал к себе из Москвы как журналистов-международников и кинооператоров, так и известных писателей, художников и поэтов. Их приезд в Ханой был для нас настоящим событием. Оказывая им как знатоки местного языка и реалий различную помощь, наперебой зазывали их к себе в гости, заслушиваясь рассказами во время долгих застолий.

Запомнилась встреча с Юлианом Семеновым у меня дома накануне его отлета в Москву. Он увлеченно говорил о сделанных им открытиях, когда знакомился с документами закрытых архивов, делился планами насчет своих новых книг. Цель приезда во Вьетнам он объяснил давней задумкой написать шпионский роман, для чего решил посетить места, описанные Г.Грином в «Тихом американце». Уезжал Ю.Семенов разочарованным: все попытки добиться разрешения на поездку в Сайгон, в том числе через наблюдателей международной контрольной комиссии (в нее входили поляки, индусы и канадцы), постоянно курсировавших

между столицами разделенных демаркационной линией обеих частей Вьетнама, не дали результата. Пришлось ему удовлетвориться посещениями ресторана и бара в ставшей знаменитой благодаря упомянутому роману гостинице «Метрополь», носившей тогда уже новое название.

До сих пор помнятся талантливые честные репортажи военного корреспондента «Правды» Алексея Васильева. Они вошли в его книгу «Ракеты под цветком лотоса», в которой он дал объективную картину жизни и войны в те драматические годы.

Запомнились встречи с Ильей Глазуновым, вернувшимся из поездки по стране с многочисленными картинками, из которых выделялись портреты простых вьетнамских тружеников (некоторые из них можно и теперь увидеть в музее на Волхонке). Выставка имела успех у вьетнамцев и получила хорошую прессу у нас в стране.

След в памяти оставил приезд Евгения Евтушенко, встречи с ним в Ханое и годом позже в посольстве ДРВ в Москве, когда он был на пике популярности у вьетнамцев за свой антивоенный поэтический цикл.

ДЕМОНСТРАТИВНЫЙ УХОД

По соображениям безопасности количество протокольных мероприятий в те военные годы было сведено к минимуму.

Однако ежегодные приемы по случаю своих национальных праздников посольства старались проводить регулярно, как и в мирное время. Для этой цели обычно арендовали у местного МИДа просторный зал Дипломатического клуба.

В 1968 г. в последние дни перед 1 октября, когда посольство КНР обычно устраивало прием по случаю своего национального праздника, в советском посольстве в Ханое проходили в напряженном ожидании.

Набиравшая в тот период обороты компания критики курса СССР и КПСС, развернутая в Китае под флагом «культурной революции», и возникшая на идеологической почве острая полемика продолжали охлаждать атмосферу наших прежде дружеских отношений с коллегами из китайского посольства, привнося

в них все больше взаимной настороженности и недоверия.

Подобные настроения подкреплялись личными наблюдениями. Как и у других побывавших дома в отпуске дипломатов нашего посольства (единственный тогда «установленный» маршрут пролегал через Китай с ночевкой в Пекине), у меня надолго остались в памяти красочные картинки пребывания там (первоначально мы останавливались на ночь в жилом комплексе посольства, но после его осады в январе 1967 г. нас стали селить в гостинице пекинского аэропорта). В столичном аэропорту вплоть до выхода на посадку нас неизменно преследовали буквально по пятам задиристо настроенные группки хунвэйбинов с транспарантами «Долой советских ревизионистов!» в руках, выкрикивая под барабанный грохот «обличительные» лозунги.

Не менее памятные живописные эпизоды, связанные с многочасовыми перелетами из Ханоя до Пекина и обратно с двумя посадками на самолете ИЛ-14 китайской авиакомпании.

После взлета и набора высоты повторялся один и тот же ритуал: две стюардессы с обеих сторон узкого прохода салона в то время, как пассажиры с нетерпением поглядывали в сторону, откуда исходили щекочущие ноздри запахи ароматной китайской кухни, демонстрировали доселе неизвестный нам фольклорный жанр. Под бравурные мелодии с красными книжками в руках они, распевая, танцевали цитаты от великого кормчего. И только после раздачи красных книжечек с его изречениями на иностранных языках и разноразмерных значков с изображением профиля Мао, наконец, следовало долгожданное угощение. За все полеты у меня собралась их изрядная коллекция, напоминающая о не виртуальности увиденного и пережитого в те, не столь уж далекие годы. (С 1969 г. во избежание инцидентов наши граждане стали летать в Москву по новому маршруту, в обход Китая, через Индию.)

В Ханое наши контакты с китайскими коллегами в то время практически прекратились, двусторонние мероприятия больше не проводились, виделись с ними, обоюдно стараясь избегать обще-

ния, только на протокольных приемах, устраиваемых вьетнамской стороной или аккредитованными здесь посольствами третьих стран. На них, правда, не сколько раз случались мелкие стычки, когда советский и китайский послы, невольно соприкасаясь, обменивались дипломатическими колкостями.

Накануне китайского приема из Москвы пришел ответ на запрос относительно нашего участия в нем. По тем временам он был беспрецедентным, хотя и не совсем неожиданным для нас. Предписывалось направить на него второе лицо посольства и в случае прямых выпадов с китайской стороны в адрес Советского Союза в знак протеста покинуть прием. Вызвавший меня советник Х. передал мне, в ту пору третьему секретарю посольства, указание посла сопровождать его на это мероприятие в качестве переводчика с вьетнамского языка.

На прием мы пришли одними из первых. С напряженными лицами обошли еще пустой зал. Внимательно вчитывался в развешенные по стенам транспаранты и лозунги, переводя их содержание советнику. Ничего неожиданного в них не нашли: привычными клише они клеймили современных ревизионистов, которые обвинялись в пособничестве мировому империализму и т.п. Не обнаружив упоминания нашей страны, решили остаться и дожидаться речи китайского посла.

Шло время, уже в который раз начинались и заканчивались знакомые китайские мелодии, а начало приема все затягивалось. Ожидали главных гостей. Наконец, с заметным опозданием (ни разу прежде вьетнамская сторона не позволяла себе выказывать столь явно неуважение к своему главному союзнику и донору) в зал вошли и встали по ранжиру за длинным столом для почетных гостей вьетнамские партийные и государственные руководители.

К установленной впритык к главному столу трибуне подошел и приготовился читать речь посол Китая, за ним у микрофона встал знакомый мне переводчик посольства на вьетнамский язык. Чтобы лучше расслышать, мы с советником продвинулись побли-

же в первый ряд стоящих напротив главного стола приглашенных на прием.

Обратившись к гостям на китайском, посол сделал паузу, и в дело вступил переводчик, начавший зачитывать по абзацам заготовленное. Напряженно вслушиваясь в его беглую речь, старался не пропустить самое важное...

Начав с оценки международного положения, посол сразу же перешел к трафаретным нападениям на современных ревизионистов и вдруг (в голове мелькнуло: «Неужели ослышался?!») заклеил советских ревизионистов, обвинив их в попытках навязать свою волю странам «третьего мира» и добавив что-то еще в том же духе.

Помня о полученных инструкциях, я наклонился к советнику Х. и перевел ему услышанное.

«Пошли!» - после минутного, как мне показалось, колебания отреагировал он. Под напряженные взгляды собравшихся мы направились к выходу. Предстояло пройти через весь зал вдоль главного стола по узкому проходу, отделяющему его от основной группы гостей. Мельком скользнул по знакомым лицам высоких вьетнамских гостей - они оставались по-восточному непроницаемыми.

Не успели мы выйти из зала в примыкающую к нему комнату, в непогоду служившую гардеробной, как услышал за собой нетерпеливые голоса. Обернувшись, вздрогнул от неожиданности. За моей спиной стояла большая группа дипломатов. Вслед за нами прием покинули дипломаты всех, за исключением Румынии, восточноевропейских социалистических стран.

Обступив меня плотным кольцом, они наперебой повторяли один и тот же вопрос: «Что он сказал?» Оказалось, среди них на приеме не было никого из владеющих вьетнамским. (Большинство в дипкорпусе обходилось французским и английским языками, а немногочисленные владеющие вьетнамским дипломаты на тот момент по завершении командировок вернулись домой или находились в отпуске.) «Советские ревизионисты ...»,- повторял я в ответ всё менее уверенно запомнившуюся фразу. Некоторые записывали. Все быстро разошлись, торопясь поскорее «отписаться» в свои столицы.

Вышли на улицу с советником Х. «Доложите послу, он ждет у себя в кабинете», - сказал он, прощаясь. Повторяя про себя заветную фразу, которую предстояло донести до посла, незаметно оказался у ворот посольства, расположенного неподалеку в том же квартале. Увидел свет в его кабинете на втором этаже, наверно, единственный горевший во всем здании в столь позднее время.

«Напишите, что было сказано в речи и о лозунгах в зале. В Москву сообщу я сам», - выслушав меня и не отрывая головы от кипы бумаг на рабочем столе, коротко бросил он. Выполнив поручение, передал исписанный листок послу. «Вы свободны», - только и сказал он, прощаясь, в обычной для себя сдержанной манере.

Вернувшись из посольства домой, остаток вечера и часть ночи провел в раздумьях о превратностях дипломатической карьеры. Посреди ночи мое полусонное воображение рисовало картины скорой встречи с Москвой. Отгоняя невеселые мысли, утешал себя неожиданно представившейся возможностью повидаться с родителями.

Утро следующего дня в посольстве начал со сбора информации о происшедшем накануне в дипломатическом клубе. Напряженно вслушивался в новостные выпуски радиостанций, вещавших в основном из Сайгона на Вьетнам и Юго-Восточную Азию, пробежал глазами странички радиоперехвата на французском (рассылаемые в то время вьетнамским МИДом краткие выдержки из сообщений западных информационных агентств). Конечно же, те не упустили случая посмаковать - и не без доли злорадства - вчерашний инцидент, снабдив корреспонденции из Ханоя броскими заголовками: «Дипломатический скандал в Ханое», «Сенсационное происшествие на китайском приеме», «Впервые в дипломатической практике Ханоя» и т.п.

Только к концу рабочего дня, когда удалось заполучить полный текст той памятной речи, я наконец вздохнул с облегчением. В ней прямая критика в адрес Советского Союза была не только в начале текста, но и повторена позже, когда мы уже ушли в знак протеста с китайского приема.

ОЗЕРО, ГДЕ МОГЛИ ВСТРЕТИТЬСЯ СОВЕТСКИЙ ПОСОЛ И БУДУЩИЙ СЕНАТОР США

Несмотря на некоторую суховатость тона в отношениях с подчиненными, приобретенную, наверное, за долгие годы аппаратной карьеры в ЦК КПСС, Илья Сергеевич Щербаков, переведенный на посольскую должность из Пекина, где он недолго проработал в должности советника - посланника, пользовался неизменным уважением у молодых дипломатов.

Не в последнюю очередь за его отеческое понимание и заботу о наших нуждах. Видимо, со скидкой на военное время и наше бес семейное положение, он нередко прощал нам мелкие шалости и не очень серьезные отступления от дисциплины, при этом ценя и поощряя за успешную работу. Трудоголик и аскет в быту, он был полностью лишен комчванства, что нас подкупало и отличало его от некоторых других известных нам начальников столь высокого ранга.

Практически безвыездно проведя в Ханое на этом посту целых десять лет, большую часть из них в условиях воздушных налетов, он позволял себе лишь одно увлечение.

Раз в неделю по воскресениям, когда наступала короткая пауза в воздушных налетах, невзирая на погоду, рано утром он выезжал с водителем на озеро Хо Тэй (Западное озеро), расположенное практически в центре города и рыбачил там до обеда с удочкой. Нарушить этот незыблемый распорядок или ускорить его возвращение в посольство мог только воздушный налет. (На протяжении всех долгих военных лет это хобби посла оставалось головной болью для сотрудников посольства, отвечающих за обеспечение его безопасности. Не в силах запретить послу поездки на озеро, часы его отсутствия за пределами посольства они проводили на рабочем месте в тревожном ожидании.)

По невероятному стечению обстоятельств в то самое озеро Хо Тэй 26 октября 1967 г. (это произошло в четверг, когда посла на рыбалке не было) угодил выброшенный с парашютом из подбитого самолета лейтенант американских ВВС, ныне сенатор и

бывший кандидат в президенты США от Республиканской партии Джон Маккейн. Вылетевший в тот день с авианосца бомбить теплоэлектростанцию в центре Ханоя, он был сбит ракетой советского производства. Этот случай наделал тогда много шума: к месту приводнения американского летчика сбегалось множество народа, и только благодаря вмешательству военных (они первыми добрались до места и захватили пленного) удалось предотвратить самосуд.

«ОХОТНИКИ ЗА ТРОФЕЯМИ»

Вслед за вьетнамскими военными к озеру устремились советские и китайские военные специалисты.

Дело в том, что в ходе воздушной войны против ДРВ американцы широко использовали вьетнамскую территорию как полигон для испытания новейших образцов военной техники и вооружений. Сбитые над Вьетнамом самолеты, только что поступившие на вооружение армии США, их ракетно-бомбовое вооружение не могли не стать объектом повышенного внимания со стороны не только местных, но и иностранных военных специалистов. Среди них наибольшей активностью (и возможностями) отличались китайские и советские.

Надо сказать, что наш великий восточный сосед уже тогда проявлял особый интерес к новым ракетным и иным военным технологиям. С этим связывали наши военные специалисты участвовавшие случаи пропаж из контейнеров во время перевозки по китайской территории поставляемых Вьетнаму советских ракет ПВО. (После блокады 7-м флотом ВМС США морских портов ДРВ транспортировка советской военной техники и оборудования осуществлялась по железной дороге через Китай.)

Скупые подробности работы наших военно-технических специалистов нам, молодым дипломатам, непосвященным в эту закрытую тогда область, становились известными из песен и общения с их авторами - нашими сверстниками, которых мы между собой называли охотниками за трофеями.

В те годы среди молодых дипломатов посольства и сотрудников других наших учреждений были очень популярными песни на военную тему. Особенно песни на стихи талантливого молодого поэта Валерия Куплевахского из группы охотников за трофеями. Его песни неизменно звучали на всех наших посиделках, мы их заучивали, переписывали друг у друга на магнитофоны. Наполнены они были пронзительной ностальгией по Родине, мечтой о скорой встрече с родными, любимыми. Из них нам становились известными некоторые подробности полной риска работы этих симпатичных молодых парней в тяжелых местных условиях. В одной из песен говорилось, как наши специалисты, «наперегонки» с китайскими, продирались сквозь джунгли и топи рисовых полей к упавшим американским самолетам или не разорвавшимся ракетам, стараясь быть первыми.

До сих пор хранит память куплет одной из песен В.Куплевахского, обращенный к любимой:

*В шесть часов вечера
после войны
Ты на свиданье со мной
приходи,
На площади Арбатской тебя
я буду ждать
Осколок эф сто пятого*
под мышкою держать».*

К сожалению, полный отваги и риска ратный труд наших военно-технических специалистов, с честью выполнявших свой долг в воюющем Вьетнаме, оказался как-то забытым. Как, впрочем, и наших ракетчиков и летчиков. Этому, конечно же, способствовала определенная завеса секретности. Но она уже давно снята.

* * *

Таковы только несколько эпизодов работы в Ханое во время войны США во Вьетнаме. Хотя они, разумеется, не могут передать драматизм того сложного времени.

* Ф-105 (F-105) - на то время новейший американский истребитель.